

Елоева Маргарита Давидовна,
студентка образовательной программы магистратуры НИУ ВШЭ
«Международное частное право»,
студент-интерн в Baker & McKenzie

ПРАВО, ПРИМЕНИМОЕ К ОФФШОРНЫМ ТРАСТАМ, И ИХ ПРИЗНАНИЕ РОССИЙСКИМИ СУДАМИ

Институт траста, зародившийся в Англии в XI веке, на сегодняшний день является широко известным и активно применимым не только в современной Англии, но и за ее пределами. В главе 53 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) закреплён отчасти схожий с трастом договор доверительного управления имуществом, однако, непосредственно институт траста российским правом никак не регламентирован. Таким образом, анализ применимого к трастам права следует начать с вопроса, признаёт ли российское право иностранный траст? Поскольку рассматриваемый нами иностранный оффшорный траст содержит иностранный элемент, нам нужно обратиться к главе VI ГК РФ «Международное частное право», чтобы квалифицировать данное понятие. Так, в соответствии с п. 2 ст. 1187 ГК РФ, поскольку траст, как понятие подлежащее квалификации, не известно российскому праву, для квалификации может быть применено иностранное право. Законодательство многих оффшорных юрисдикций содержит определение понятия траста, которое схоже с определением, данным в ст. 2 Гаагской конвенции о праве, применимом к трастам, и их признании (далее - Конвенция о трастах), в соответствии с которой траст определяется как правовое отношение, созданное учредителем (settlor) при его жизни (inter vivos) или же после его смерти, сутью которого является передача имущества доверительному

собственнику (trustee) для управления этим имуществом в интересах бенефициаров траста (beneficiary), указанных учредителем.

После квалификации понятия траст, нам предстоит определить, признается ли такое правовое отношение в России. В соответствии со ст. 1186 ГК РФ, иностранное право может применяться к отношениям с участием российских юридических лиц и физических лиц, осложненных иностранным элементом, при условии, что применение иностранного права не противоречит императивным нормам российского законодательства, а также публичному порядку Российской Федерации.

Далее в докладе предполагается обсуждение ограничений российского семейного и наследственного законодательства, которые могли бы стать потенциальными причинами признания российскими судами иностранного траста недействительным.

Поскольку российская судебная практика не знает случаев рассмотрения вопросов, вытекающих из отношений между участниками траста, юридической квалификации такого траста и признания его действительности, докладчик рассмотрит дела иностранных судов, в которых траст признавался недействительным как нарушающим императивные нормы национального законодательства (прежде всего, семейного – в части распоряжения общим имуществом супругов, разделе совместно нажитого имущества супругов; а также наследственного права – в части признания траста недействительным в связи с нарушением права на обязательную долю в наследстве). Также докладчик проанализирует дела иностранных судов с участием российских лиц, связанные с разделом совместно нажитого имущества супругов – *Slutsker v. Haron Investments, Rybolovlev v Rybolovleva*, чтобы понять, каким образом суды относятся к возможности раздела имущества, переданного одним из супругов в траст.

В заключение, докладчиком будет рассмотрено законодательство оффшорных юрисдикций, создающее сложности для приведения в исполнение решений иностранных судов (например, решение российского

суда о наложении взыскания на имущество, переданного в международный траст).